

Ремень

Лина Кизилова

Лина Кизилова

Ремень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70620382

SelfPub; 2024

Аннотация

Иногда кажется, что весь мир против тебя, но так ли это на самом деле? Может быть, испытания готовят нас к большому прорыву и осталось потерпеть самую малость?

Лина Кизилова

Ремень

Окно с зелеными ставнями выходило на широкое картофельное поле. Лапшин любил сидеть на подоконнике, смотреть над кустами с бело-сиреневыми соцветиями в бездонную голубую даль, пестрящую сельскими домиками, не похожими один на другой. «Это тебе не Москва», – думал он и почему-то улыбался, потирая реденькие каштановые усы. Возле крутился кот Жулик, старый, наглый, потерявший в одном из уличных боёв левый глаз; тёрся о штанины, мурлыкая и едва слышно сопя.

– Жулик, колбаски будешь? – предложил Лапшин. Кот не отказался.

Лапшин приезжал на родительскую дачу, когда приступы депрессии становились невыносимыми. Это случалось всё чаще. Год и четыре месяца подряд провальные пробы кого угодно повергнут в отчаяние. Безработный актёр в долгах родителям, друзьям, знакомым, с ипотекой за однушку в Перово, на грани развода с любимой женой. Прямо сценарий многосерийной драмы для домохозяек с хронической усталостью.

Жулик дожевал кусочек колбаски и просяще уставился на Лапшина. Котам не свойственно насыщение, как и уныние.

Если судьба подбрасывает кусочек чего-нибудь вкусного, то зачем унывать?

На обеденный чай мамыны блины, жирно смазанные домашним маслом, щедро посыпанные сахарным песком, три вида варенья, мёд с пасеки – это ли не рай? По крайней мере, депрессия могла бы сделать шаг назад, могла бы, но не стала.

За столом мама слегка прикоснулась мягкой ладонью к щеке сына:

– Олежек, у меня для тебя небольшой подарок, – сказала она и достала из-под хлопковой скатерти небольшой синий свёрток. – Надеюсь, тебе понравится.

– Мой день рождения только в октябре, – вяло отреагировал Лапшин.

– Разве подарки можно делать исключительно по праздникам? Просто так нельзя?– Мама широко улыбнулась, и в её улыбке Лапшин только сейчас заметил пустоту от выпавшей зубной коронки.

– Спасибо, – он тут же освободил свой презент от шуршащей синевы. – Ремень? Кожаный? Наверное, стоит бешеных денег?

– Индонезийский. Из питона. Тебе нравится?

– Очень. Но не стоило, правда. Ты балуешь меня, как всегда.

– Ты заслуживаешь, Олежек. Ты мой сын. И я тебя очень люблю.

Электричка усыпляла его своими монотонными покачиваниями и глухим металлическим завыванием. Хорошо, что он не поддался на уговоры мамы и не остался. Зря однушку в ипотеку брал, что ли? Теперь у него есть своя квартира со всеми удобствами вплоть до увлажнителя воздуха и кастрюли с антипригарным покрытием. И, вообще, ночевать надо дома, а не у родителей на даче. Лапшин вспомнил, что у него пустой холодильник. «Зайду в магазин за баклажановой икрой и чёрным хлебом», – подумал он перед тем, как провалиться в липкую дремоту окончательно.

С магазинной полки на Лапшина смотрела последняя банка баклажановой икры. «Мечты сбываются, – по-детски порадовался он про себя и лёгкая улыбка спряталась в его усах. Сейчас вместо чёрного хлеба ему захотелось отрубного. На кассе оказалась голубоглазая красавица. Пока она пробивала продукты, Лапшин любовался её нежными чертами лица, тонкими запястьями, розовыми ногтями. «Всё не так уж и плохо в этом мире», – подумал Лапшин.

Дома он заварил ленкоранский чай, привезённый его товарищем из очередной командировки, нарезал хлеб аккуратными ломтиками, приготовил тарелку с вилкой, поддел крышку банки ножом, чтобы та легко открылась и... на поверхности увидел пушистую, белоснежную, как фата невесты, плесень. «Не жизнь, а сплошные разочарования», –

Лапшин вернул крышку на место и плотно закрыл.

Он сел на стул и неподвижно просидел около часа, будто что-то обдумывая. В какой-то момент он поднял глаза и увидел тонкую трубу, проходящую над кухонным гарнитуром и окном. Лапшин встал со стула и перенёс его ближе к окну, постоял немного, посмотрел на трубу, потом на стул, потом снова на трубу. Вдруг вспомнил про ремень, подаренный мамой, снял его, оценил длину. «Должно получиться», – подумал Лапшин. И получилось. Спрыгнув, он опрокинул стул, чтобы не было пути назад. Это было дольше и больнее, чем ему представлялось в теории. Последнее, что он увидел были круглые настенные часы, которые выбирала его любимая жена. Стрелки показывали без тринадцати одиннадцать.

В начале десятого утра в квартире Лапшина раздался телефонный звонок. Автоответчик заговорил красивым, профессионально поставленным голосом: «Здравствуйте. К сожалению, я не могу ответить вам прямо сейчас, но вы можете оставить своё сообщение после звукового сигнала и при первой же возможности я свяжусь с вами». Телефон пикнул.

– Олег, твой мобильник не отвечает. Сто раз говорил тебе вовремя заряжай его. Короче, у меня отличная новость. Ты прошёл кастинг на главную роль в том сериале, если вспомнишь, его собирались снимать около года назад, но проект заморозили. Про бандитов, про мафию... ну, короче, ты понял о чём я говорю. Ты ещё возмущался, что индустрия пе-

реполнена криминальными сюжетами, а зрителю всё мало. Вспомнил? Мы с тобой не в том положении, чтобы капризничать. Нужно сниматься везде, где зовут. Мы много раз с тобой это обсуждали. Сценарий отправят тебе на мыло. Съёмки начинаются в следующий вторник. До этого времени сбрей свои дурацкие усы. Позвони мне сразу же, как прослушаешь это сообщение.